

Зарин Андрей Ефимович

**Мой первый сюртук; Братья-
разбойники; Неудачная охота**

Рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А65

А65 **Андрей Ефимович З.**
Мой первый сюртук; Братья-разбойники; Неудачная охота: Рассказы / Зарин Андрей
Ефимович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 56 с.

ISBN 978-5-519-85703-1

ISBN 978-5-519-85703-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

случаѣ, но я считалъ подобное поведеніе ниже своего достоинства. Чего стоитъ человѣкъ, не умѣющій купить себѣ сюртука?

Увы, и по сіе время я стремлюсь проявить въ этой области свою самостоятельность! И сколько разъ я приносилъ домой простые шертигновые платки, купленные за полотняные; сколько разъ одѣвался въ костюмы, которые приводили въ отчаяніе мою жену, и однажды приобрѣлъ шубу, мѣхъ которой съ непобѣдимымъ упорствомъ приставалъ къ моему платью, обращая меня въ пушного звѣря, а шубу—въ плѣшивую мездру...

И это теперь, неоднократно наказанный неудачами, а тогда и подавно я не признавалъ ничьего руководства.

И вотъ я получилъ свои 25 рублей и тотчасъ, прямо съ урока, направился въ намѣченный мною магазинъ готоваго платья, т.-е. вѣрнѣе—не магазинъ, а лавку. И даже, еще точнѣе, просто къ портному Лазарю Скрипкѣ, котораго мы всѣ знали и у котораго были всегда въ запасѣ двѣ-три пары совсѣмъ готоваго платья.

Этотъ Лазарь Скрипка былъ красивый еврей, лѣтъ 35-ти, высокаго роста, широкій въ плечахъ, съ курчавыми черными волосами на головѣ и бородѣ. Но у него была жена, внѣшностью совершенная вѣдьма, восемь штукъ дѣтей,—и все это вмѣстѣ сдѣлало Лазаря въ рѣчахъ плаксивымъ, въ дѣйствіяхъ нерѣшительнымъ и при этомъ несомнѣннымъ мошенникомъ.

Къ этому-то Скрипкѣ я и пришелъ.

Господи Боже! Что тутъ было, когда я, войдя въ его небольшую комнату, гдѣ онъ сидѣлъ на верстакѣ въ грязной рубашкѣ, съ босыми ногами, объявилъ ему о цѣли моего прихода.

Въ первое мгновеніе онъ какъ бы окаменѣлъ, затѣмъ

чуть не кувыркомъ скатился со своего верстака, быстрымъ движеніемъ подхватилъ и закрѣпилъ свои брюки, метнулся, какъ подстрѣленный, сперва въ одну сторону, потомъ— въ другую, подалъ мнѣ табуретку и все время говорилъ, не переводя дыханья:

— Пану сюртукъ тшеба? Ото важно! Пана самъ Бухъ до меня привель... Я пану дамъ такова сюртукъ! Садитесь, пожалуста... Я вамъ сейчасъ буду показывать!

Онъ выскочилъ въ сосѣднюю коморку за перегородкой, о чемъ-то торопливо шептался съ женою, чѣмъ-то стукнулъ, на кого-то крикнулъ и появился снова съ желаемымъ сюртукомъ въ рукахъ. Онъ несъ его, держа за воротъ, на вытянутой рукѣ, словно вытащенную изъ воды собаку.

— Вотъ!—торжественно сказалъ онъ:—самого лучшаго матерьялу. Аглицкаго. Панъ Тышкевичъ такой носить, якъ Бога кохамъ! Ну, вы попробуйте! Атласъ, шелкъ! Для васъ только. И вамъ будетъ въ самый разъ. Пожалуйста, скидывайте ваши пальто и куртку! Такъ!..

Я снялъ пальто и блузу и примѣрилъ сюртукъ. Несмотря въ зеркало, я чувствовалъ, что онъ мнѣ великъ настолько, что я смѣло могъ бы надѣть его поверхъ ватнаго пальто, но Лазарь Скрипка былъ другого мнѣнія.

— Почти, какъ для васъ! Ой, какой панъ красивый!—воскликнулъ онъ, отойдя на шагъ и взмахивая руками.— Я буду только самую чуточку дѣлать его поуже, и тогда панъ будетъ совсѣмъ франтъ! Позвольте, пожалуйста!

Онъ ухватилъ кусокъ мѣлу и сталъ чертить по сюртуку, немилосердно поворачивая меня во всѣ стороны, заставляя нагибаться, вытягивать и сгибать руки, застегивать сюртукъ и растегивать.

— И все!—сказалъ онъ, когда замѣтилъ, что голова

Онъ ухватилъ кусоѣ мѣлу и сталь чертить по сюртуку...

моя начала уже болтаться, какъ привязанная.—Вы придете завтра и все будетъ для пана готово!

Я спросилъ о цѣнѣ.

— Цѣна? Для другого я сказалъ бы: 40 рублей, 50 рублей! Но для пана только 20 рублей!

Я началъ торговаться и выторговалъ два рубля. За 18 р. я имѣлъ сюртучную тройку, которую получилъ на другой день. Лазарь Скрипка хотѣлъ быть добросовѣстнымъ и примѣрилъ ее на меня еще разъ.

Это былъ костюмъ!

Скрипка вертѣлъ меня во всѣ стороны, складывалъ съ умиленіемъ руки, чмокалъ и говорилъ:

— Панъ увидить, какъ онъ заблеститъ въ этомъ сюртукѣ! Такъ и въ Варшавѣ не сдѣлаютъ, дали Бухъ! Панъ потомъ придетъ и скажетъ: молодецъ, Лейзеръ! Да!

Я теперь навѣрное знаю, что костюмъ можно сдѣлать лучше даже и не въ Варшавѣ. Можно сшить такъ, что брюки не будутъ казаться двумя пароходными трубами, въ которыя я сунулъ ноги, что воротникъ у сюртука не будетъ съ ослинымъ упрямствомъ лѣзть подъ самый затылокъ, а проймы въ подмышкахъ—заставлять невольно подниматься руки.

Но что я буду блестѣть въ немъ,—Скрипка не совралъ. Это я увидѣлъ сразу и, признаться, даже удивился. Весь мой костюмъ, несмотря на свой, несомнѣнно, черный цвѣтъ, блестѣлъ, какъ зеркало, или вѣрнѣе, какъ хорошо вычищенные сапоги или, еще вѣрнѣе, словно его съ полчаса продержали подъ проливнымъ дождемъ.

Скрипка приложилъ руку къ вискамъ, закачалъ головою и сказалъ:

— Ой, ой! Панъ не видѣлъ хорошаго аглицкаго сукна. Это такое сукно, что можетъ носить только самый бо-

гатый. Мнѣ оно нечаянно попалося, и я далъ его пану, а панъ не радъ...

Я смутился, поспѣшилъ поблагодарить его и далъ даже его ребятишкамъ 20 копеекъ на пряники.

Какъ-никакъ, а приобрѣтеніе было очень удачное. Съ того времени до сегодня я не встрѣтилъ человѣка, который могъ бы похвастать, что имѣлъ сюртукъ, брюки и жилетъ за 18 рублей и 20 копеекъ.

Но когда я вспоминаю о немъ, то думаю, что отчасти благодаря ему, я не могу теперь выносить игры на скрипкѣ. Прекрасный инструментъ напоминаетъ мнѣ отвратительнаго портного.

Но тогда, кромѣ благодарности, я ничего къ нему не чувствовалъ.

Я увѣренъ, что ни одна дѣвушка не ждала съ такимъ нетерпѣніемъ перваго бала, ни одинъ только что произведенный въ чинъ прапорщика юнкеръ не мечталъ такъ о своей офицерской формѣ,—какъ я ждалъ вечера субботы и какъ я мечталъ объ эффектѣ своего костюма.

Юношеское тщеславіе! Много времени спустя я понялъ его суету, но тогда, и долго еще потомъ, я придавалъ костюму слишкомъ большое значеніе. Особенно изъяснамъ въ немъ. Помню, какъ я мучительно стыдился бахромки внизу своихъ брюкъ или заплатки на локтѣ, а когда на сапогѣ появлялась зловѣщая дырка, я не жалѣлъ чернилъ и ваксы, которыми замазывалъ черезъ эту дырку свой носокъ.

А кто этого не дѣлалъ?..

Всѣ дни до роковой субботы я, возвратившись съ уроковъ, говорилъ себѣ: „ну, помечтаемъ!“—и, улегшись на кровать, закинувъ за голову руки и положивъ на спинку кровати ноги, начиналъ мечтать... Сразу, безо всякихъ

приготовленій, — и мечты несли меня вдаль, какъ засто-
явшіеся кони легкую коляску...

Я видѣлъ сперва изумленіе, потомъ—улыбку удоволь-
ствія на хорошенькомъ лицѣ Вари; я слышалъ радостно-
изумленный возгласъ шаловливой Нины; видѣлъ совершен-
но измѣнившееся ко мнѣ отношеніе ихъ матери и, нако-
нецъ, послѣ моего чтенія слышалъ шепотъ умиленныхъ
гостей: „кто этотъ интересный молодой человѣкъ“?—и хо-
зяйка, съ чувствомъ самодовольства, знакомила меня и съ
важнымъ генераломъ, и съ хорошенькими дамами, и съ
предсѣдателемъ суда, и съ правителемъ губернаторской
канцеляріи, называя меня всѣмъ по-имени и отчеству.

Потомъ я представлялъ, что начались танцы. Рояль
гремятъ, пары кружатся и мелькаютъ, а я стою у стѣны,
сложивъ на груди руки и со снисходительной улыбкою
смотрю на эту дикую забаву,—въ то время развлеченіе
танцами я находилъ ниже своего достоинства.—Отчего вы
не танцуете?—спрашиваетъ меня самая красивая дама,
обмахиваясь вѣеромъ, и я съ легкой улыбкою отвѣчаю ей,
что считаю такую забаву достойной дикарей и дѣтей. Она
смотритъ съ недоумѣніемъ, и я развиваю передъ нею въ
общихъ чертахъ картину происхожденія и развитія тан-
цевъ и шутя предлагаю ей заткнуть уши и, не слыша
музыки, посмотрѣть на танцующихъ. Она смотритъ и хо-
четъ, я смѣюсь вмѣстѣ съ нею, а потомъ говорю: „Въ
настоящее время, когда отъ насъ ждутъ энергичной куль-
турной работы, когда кругомъ мы видимъ только горе, на-
силіе и бѣдность, рядомъ со зломъ, насиліемъ, деспотиз-
момъ и властью капитала,—тратить время на танцы я счи-
таю преступленіемъ“. И я замолкаю и задумчиво гляжу
на окошко, за стеклами котораго чернѣетъ ночь. Взовол-

нованная дама отходитъ къ хозяйкѣ и вполголоса говорить съ нею обо мнѣ.

Вечеръ кончается. Я со всѣхъ сторонъ получаю приглашенія. Самая красивая дама жметъ мою руку и взволнованно говорить: „Вы открыли мнѣ глаза на пустоту моей жизни!“

Хозяйка тихо шепчетъ мнѣ: „спасибо“! А Варя, съ разгорѣвшимся личикомъ, говорить: „Я гордилась сегодня вами!“

О, наивныя, тщеславныя мечтанья! Какъ грубо разбиваетъ васъ дѣйствительность!..

Наконецъ, наступила суббота, и отъ тревожнаго волненія въ предчувствіи предстоящаго триумфа я почти обратился въ идіота.

Пробилъ часъ, когда я приступилъ къ сборамъ.

Сапоги у меня были прекрасные, я приобрѣлъ крахмальную рубашку съ моднымъ стоячимъ воротникомъ, имѣющимъ впереди вырѣзь и два загнутыхъ угла. Наконецъ, я приобрѣлъ перчатки, хотя и не собирался танцевать, и прекрасный, темный съ синими полосками галстукъ.

Я былъ увѣренъ въ неотразимости своего костюма и медленно, съ наслажденіемъ одѣвался въ свой первый статскій сюртукъ.

Мой первый сюртукъ, вѣрнѣе, какой-нибудь замазанный клочокъ отъ него,—помнишь ли ты своего перваго владѣльца?

Коварный Скрипка, если ты живъ,—помнишь ли ты своего юнаго покупателя?

Вѣроятно, нѣтъ.

Ну, а я во всю жизнь не забуду ихъ и сейчасъ со

всею остротою переживаю снова всѣ мгновенія того злополучнаго вечера.

Я сразу, съ перваго появленія своего въ ярко освѣщенной столовой, по встрѣтившимъ меня взглядамъ понималъ, что произвелъ впечатлѣнїе.

Мой оболтусъ ученикъ выскочилъ изъ-за стола мнѣ навстрѣчу, но въ двухъ шагахъ отъ меня словно остолебенѣлъ и разинулъ ротъ. Я снисходительно улыбнулся ему, встряхнулъ его руку и смѣло двинулся къ хозяйкѣ, разливавшей чай.

— Отчего вы не въ курткѣ, Андрюша?—ласково сказала она и прибавила:—къ вамъ куртка больше идетъ!

— Зато теперь онъ, какъ большой!—съ грубымъ смѣхомъ сказалъ ея мужъ и похлопалъ меня по спинѣ.

Я почувствовалъ, какъ покраснѣли мои лобъ и щеки, поклонился ей и ничего не отвѣтилъ.

Хозяйка громко назвала меня по имени и отчеству, и я сталъ обходить вокругъ стола, пожимая руки всѣмъ сидящимъ за столомъ.

— Какой вы забавный въ этомъ сюртукѣ,—шепнула Варя,—совсѣмъ другой!—и прибавила:—садитесь съ нами!

Я улыбнулся и опустился на стулъ подлѣ Вари.

— Зачѣмъ вы такой воротничокъ надѣли?—сказала мнѣ ея подруга:—вы въ немъ задохнетесь!

— На дворѣ дождикъ?—почти громко спросила Нина, за что Варя—я видѣлъ—толкнула ее въ бокъ.

Сознаюсь съ позоромъ: новая сюртучная тройка лишила меня обычной бойкости. Я только краснѣлъ и смущенно улыбался. Воротничокъ у рубашки оказался, дѣйствительно, немного тѣсенъ, невѣроятно жестокъ, подпиралъ меня подъ самыя скулы и при этомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ скрѣплялся запонкой, защищалъ кожу на моей шеѣ

каждый разъ, какъ я пытался повернуть голову. Новый же сюртукъ совершенно стѣснялъ меня въ движеніяхъ.

Хозяйка протянула мнѣ стаканъ чая, и здѣсь я сдѣлалъ рядъ неловкостей.

Я потянулся за своимъ стаканомъ мимо лицъ Вари и Нины. Нина довольно громко сказала сестрѣ,—очевидно, намекая на блескъ моего сюртука:

— Можно даже поправить волосы!

Рука моя дрогнула, чай плеснулъ, Варя вскрикнула: „ахъ!“—и этого было достаточно, чтобы я вылилъ на нее и все остальное, содержавшееся въ стаканѣ.

— Онъ ее обварилъ!—закричала Нина.

Я выхватилъ платокъ и хотѣлъ вытереть Варѣ платье, но въ растерянной поспѣшности провелъ платкомъ по ея лицу.

— Вы съ ума сошли!—вскрикнула Варя и выскочила изъ-за стола, а я—слѣдомъ за нею.

Спустя нѣсколько минутъ все успокоилось. Я просилъ у Вари извиненія, хозяйка улыбалась и говорила:

— А въ курточкѣ вы бы этого не сдѣлали!—и всѣ кругомъ смѣялись.

Послѣ чая мой ученикъ съ идіотскимъ видомъ потрогалъ мой сюртукъ и спросилъ:

— Отчего онъ такъ блеститъ? Я думалъ, что вы его смочили!

Я рѣзко отвернулся отъ него.

Вечеръ былъ испорченъ.

Я не дождался литературнаго чтенія и, потихоньку выбравшись въ переднюю, разыскалъ пальто съ шапкой и пошелъ домой....

Когда въ понедѣльникъ я пришелъ на обычный урокъ,

Варя была со мною суха и чопорна, а Нина, со свойственнымъ ей легкомысліемъ сказала:

— Вы совсѣмъ-совсѣмъ были чучелой и блестѣли, какъ натертый масломъ!..

Спустя нѣсколько дней я имѣлъ случай показать костюмъ своему товарищу, барону Куръ-де-Вилль, и онъ, весело расхохотавшись, сказалъ мнѣ:

— Гдѣ ты купилъ такую гадость? Да вѣдь, изъ такого сукна и лакей не надѣнетъ сюртука!

И все-таки я сносилъ его до совершенной негодности. По мѣрѣ того, какъ онъ старѣлъ и изнашивался, компрометирующій блескъ его постепенно тускнѣлъ и онъ какъ бы обновлялся.

Сюртуки же, которые я носилъ впослѣдствіи, вели себя совершенно наоборотъ. Съ теченіемъ времени они покрывались лоскомъ и начинали блестѣть, словно время и жизнь наводили на нихъ глянецъ.

Много лѣтъ прошло съ того давняго времени моей самоувѣренной юности. Суетное тщеславіе уже давно покинуло меня,—но каждый разъ, какъ я вспоминаю свой первый сюртукъ, я переживаю снова тотъ вечеръ, сокрушившій мою гордость, со всею остротой его впечатлѣній.
